

Мегаполисная газ. — 1993. —

5 нояб. — С. 7.

Игорь Моисеев:

Я ВСЕГДА ИЗБЕГАЛ ПОЛИТИКИ

и всегда стремился заниматься своим делом

Серджио Тромбетта,
«La Stampa», — специально
для «НГ»

Портрет

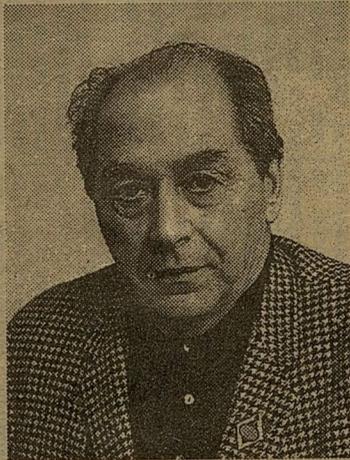
ИГОРЬ МОИСЕЕВ элегантен: серый костюм и черная шелковая рубашка. Ведет себя непринужденно и уверенно: он не ощущает груза 88 прожитых лет. От него исходит спокойствие и любезность прежних времен. Его мудрость — мудрость человека, перед глазами которого пробежал весь XX век. Он пунктуален, как человек, ни разу за всю жизнь не опоздавший на назначенную встречу и тем более не упустивший своего шанса на свидание с историей. Его привычка прибегать в разговоре к прежним понятиям типа «советский» вместо «русский» со скидкой на возраст вполне простительна.

Мы встретились с хореографом и основателем самого известного ансамбля народного танца накануне юбилея его школы, которой 5 ноября исполняется 50 лет. Школы, организованной как студия, в которой танцоры работают 4 года плюс еще год стажировки в труппе, знакомясь со всем диапазоном репертуара ансамбля — от классики до самых разных народных танцев (славянских, кавказских, восточных). Естественно, что наш интерес вызывают прежде всего сегодняшние проблемы ансамбля (в котором 120 танцоров и 30 музыкантов), его будущее в период, когда многие коллективы, задавленные экономическими трудностями, вынуждены закрываться.

— Игорь Александрович, сегодня, когда уже нельзя ссылаться на причины политического характера, к чему обращается в своем творчестве, у какого зрителя может рассчитывать на успех ансамбль народного танца? Прежде всего у тех, кого волнуют национальные чувства?

— Я всегда избегал политики и всегда стремился заниматься только своим делом. Конечно, я уделяю внимание экономическим проблемам труппы, а вот политика меня не интересует.

— Новая ситуация в России как-то повлияла на жизнь ансамбля?

— С эстетической точки зрения сегодня гораздо легче работать: нет более никаких запретов, как когда-то в прошлом. Например, нельзя было ставить китайские танцы, потому что были плохие отношения с Китаем.

— На какие средства живет сегодня ансамбль?

— Прежде всего мы получаем государственную дотацию. У нас нет частных спонсоров. Но в эти трудные времена нам было бы грех жаловаться: того, что дает нам государство, и наших сборов от концертов и гастролей нам вполне хватает. Хватает не на широкую жизнь, но это сегодня уже много на фоне стольких коллективов, которые закрылись. Мы можем себе позволить платить танцорам зарплату от 60 до 160 тысяч рублей.

— Есть ли у вас проблемы с гастролем за рубежом?

— Раньше для нас это было всегда легко. Сегодня мы отдаем себе отчет, что появилось больше трудностей. Это еще и вина тех русских или псевдорусских коллективов, которые, выдавая себя за танцоров, ездят по всему свету и подрывают авторитет серьезных профессиональных ансамблей. Например, в прошлом сезоне одной любительской труппе удалось провести в Италии гастрол, пиратски используя наше имя. Они именовали себя как труппа «Спутник-Моисеев». Итальянские газеты писали после их турне: «Исполнительское мастерство ансамбля Моисеева значительно снизилось. Они уже

не те, что были когда-то». Ясно, что после того как прошли эти бандиты, мы рискуем оказаться на выжженной земле. Тем не менее в январе у нас гастрол в Японии, в феврале — в Южной Корее. В мае поедем в Израиль.

— Ваша концертная деятельность проходит большей частью в Москве?

— Да. Ездить сегодня — дорогое удовольствие, и прежде чем принять приглашение, мы должны все хорошо просчитать. Переезды, гостиницы сейчас настолько дороги, что требуются дополнительные средства, поскольку продажа билетов не покрывает всех расходов. Два месяца назад мы получили 8 миллионов рублей, которых хватило только на два месяца. Мы выступаем в Москве и близлежащих городах, куда просто организовать переезд. До сего времени самым крупным источником нашего финансирования остаются гастролы за рубежом, где нам платят в конвертируемой валюте.

— Высокие цены мешают постановке новых программ?

— Главная проблема — костюмы. Каждый стоит около 150 тысяч рублей. Для постановки нового спектакля требуются миллионы только на костюмы. Однако у нас в репертуаре по крайней мере 300 номеров, что позволяет варьировать программу выступлений.

— В 1937 году вы были солистом балета, мэтром Большого театра, но решили оставить карьеру и основать ансамбль народного танца. Почему?

— Все серьезные перемены начинаются со случая. Моему отцу нравилось путешествовать, и я еще ребенком сопровождал его повсюду. Пешком, на лошади, в поезде — мы преодолели многие километры. Бывали на народных праздниках, видели танцы многих народов. Когда я стал выступать в Большом, мне хотелось использовать эти воспоминания, но это оказалось невозможно, в Большом и слышать не хотели о подобных вещах, поэтому я решил уйти. Это был единственный способ осуществить мои планы. Я решительно расстался с Большим театром, чтобы начать все с нуля и сделать себе новое имя.

— В 30-е годы было легко и

политически выгодно ставить народные танцы...

— Может быть, но меня всегда интересовала прежде всего художественная сторона дела. Народный танец позволяет нам найти дорогу к сердцу, темпераменту, корням любого народа, рассказать о его истории. Для этого я как хореограф пытаюсь создать портрет народа, представить не только движения, но и душу, и сам характер его.

— В таком случае, это больше ваше произведение, чем народное. Ваша стилизация народного танца...

— Подождите, когда говорят «стилизиция», подразумевают что-то неконкретное, неорганичное, в то время как мои танцы находятся в тесной связи с народами, у которых они появились в той или иной форме.

— Следовательно, вы стремитесь показать на сцене дух народа через нечто, что уже отличается от самого народного танца...

— Я не фотобиографирую, а пересмыслю. Не копирую, а создаю. У меня не фольклорный коллектив, а ансамбль народного танца. Я ставлю спектакли для зрителя, в то время как сами народные пляски рождались для удовольствия тех, кто их исполнял. Для такой же цели поэты и композиторы пишут стихи или музыку на народные мотивы.

— Ваша карьера началась в Большом театре в 1924 году, когда вам было 18 лет. Вы танцевали классику. Вы помните Большой тех лет? Например, балеты Касьяна Голейзовского, которые были утрачены?

— Я танцевал Иосифа в «Иосифе Прекрасном» и Рауля в «Теолинде». Я полностью сохранил в памяти воспоминания о тех спектаклях и мог бы их сегодня воспроизвести по памяти.

— Сегодня существует тенденция возрождать утраченные балеты начала века. Попытка восстановить балет Нижинского «Праздник Весны» вызвала сенсацию; в этом сезоне Парижская опера хочет возродить последний балет Нижинского «Тиль Уленшпигель». Было бы интересно видеть на сцене балеты Голейзовского.

— Конечно, но как хореографу мне было бы трудно только восстановить их, не добавив ничего от себя.